

имевшее место некорректное использование понятия «средневековый» в значении «отсталый» и негативный миф о Средневековье как «темных веках», разрушенный усилиями французских философов просветителей и светских историков – в частности, представителей французской «школы Анналов». Долгое время этот груз познавательных заблуждений и предубеждений создавал немало проблем для адекватного понимания исторического процесса и логики соотношения традиции и прогресса.

Традиция – неоценимый капитал истории. Это надежный механизм поддержания моральных норм и накопления идеалов коллективного опыта, культурных и социальных достижений.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК КОНКУРЕНЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Титаренко Л. Г. (Минск, Беларусь)

В эпоху глобализации и кризисов цивилизованный диалог между социально-культурными сообществами и нациями перерастает в их конкуренцию. Доминирование той или иной концепции культуры и цивилизации связано с политическими и экономическими дивидендами. Хотя протекают мирно, их латентные следствия диалога культур и кросскультурных дискурсов по-разному сказываются на стране, продуцирующей ту или иную концепцию, и стране-реципиенте. Данный тезис можно аргументировать на примере современных концепций модернизации и ценностей, которые присущи каждой концепции.

Модернизация понимается в России как «переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами» [1, с. 6]. В социологической литературе процессы модернизации рассматриваются под углом зрения разных парадигм. Отмечается, что при выборе той или иной теории модернизации необходимо принимать во внимание ряд моментов. Во-первых, принятие модернизационной теории означает, что модернизирующаяся страна должна четко представлять цели, которые необходимо достигнуть посредством модернизации. Советская модернизация, являвшаяся альтернативной Западу, открыто разворачивалась под лозунгом «догнать и перегнать», т.е. признавала изначальное техническое отставание и необходимость использования передового западного опыта. Анализ советской модернизации, данный в 1990-е гг. Й. Арнасоном, показал, что в советской модернизации слились две противоположные тенденции: российская имперско-модернизационная и революционная, связанная с Западом [2]. Напротив, нынешняя российская модернизация связана с поиском собственной модели развития и желанием власти сделать страну высокоразвитой постиндустриальной державой. Во-вторых, благодаря разработке теории множественности модернов [3], Россия может выбирать,

на какие модели модернизации ей лучше ориентироваться – западную, японскую, китайскую, и т.д. Анализ различных моделей модернизации доказал, что условия региона и страны предопределяют выбор модели, выбираемой за образец, при этом оптимальной является та, которую легко адаптировать к специфике региона. В-третьих, как подчеркивает И. Валлерстайн, западная теория модернизации ценностно окрашена и предлагает капиталистическую модель общества, представленную как образец для всех. По Валлерстайну, «мы живем не в модернизирующемся мире, а в капиталистическом мире», который становится все более несправедливым по отношению к странам, не находящимся в центре этого мира [4, с. 22]. В-четвертых, на теоретическом фундаменте тех или иных концепций модернизации базируются ведущие международные исследовательские проекты, целью которых является определение «уровня модернизационного развития» той или иной страны и региона, применение полученных результатов для объяснения особенностей развития страны [5]. Поэтому эмпирическое тестирование методик, разработанных в теориях модернизации и использованных в международных исследованиях, помогает понять тренды развития на постсоветском пространстве.

Отсюда следует, что ценности, на которых базируется западная теория модернизации, и которую более 30 лет эмпирически тестирует Р. Инглхарт (программа World Value Studies), не всегда будут адекватны ценностям, адекватным для постсоветского пространства. Согласно теории Инглхарта, сущность нынешней модернизации в переходе от индустриальных к постиндустриальным ценностям (гендерное равенство, свобода самовыражения, демократия) [5, р. 10]. По мнению Н.И. Лапина, ведущего российского исследователя модернизации, этот глобальный подход неприменим на постсоветском пространстве ввиду существенных различий не только в экономическом уровне развития, но и большей важности ценностей социальной справедливости и социальной поддержки в России (последнее связано с историческим своеобразием развития региона). Отличие российской концепции модернизации от западных версий состоит также в том, что кризисы и риски, имеющие глобальную природу, оказывают более негативное влияние на постсоветский регион (как экономически менее развитый), что требуется учитывать при реализации любых социально-экономических программ модернизации.

О.Н. Яницкий, используя эвристический потенциал западной парадигмы риска У. Бека [6], разработал парадигму общества риска, адекватную для постсоветского общества, и опираясь на российскую эмпирическую базу, раскрыл природу рисков как неустранимых в современном российском обществе ввиду его высокой сложности и отсутствия в нем интегрирующих все социальные группы интересов и ценностей. Ученый критически проанализировал существующее положение в России и выявил, какие экономические и социальные факторы и почему подрывают модернизационный потенциал общества. Яницкий доказал, что модернизация России и других постсоветских стран по западному образцу не

только не может быть успешной, но и неминуемо приведет к новым рискам. Однако и отказ от модернизации уже невозможен, т.к. он сам является рискогенным. Данный парадокс, осмысленный в рамках парадигмы риска, привел автора к необходимости сделать вывод: всякие современные риски существенно ограничивают любые модернизационные усилия, т.к. требуют огромных ресурсов и на их реализацию, и на устранение непредсказуемых негативных последствий рисков. Даже успешная модернизация, которая бы интегрировала Россию в западный мир, будет рискогенна, т.к. она может подтолкнуть молодежь к массовому выезду в более развитые страны Запада, как это случилось в Центральной Европе [7]. Опираясь на творческое использование зарубежных концепций рисков и модернизационных ценностей, Яницкий считает необходимым разработать такую социально-гуманитарную модель модернизации России, которая будет ориентирована на развитие интеллектуального потенциала личности. По его мнению, надо широко обсуждать перспективы российской модернизации не только в России, но и за рубежом, чтобы принимать во внимание опыт других стран. Эту задачу, как считает Яницкий, и реализует Лапин, учитывая социально-культурный аспект модернизации не меньше, чем экономический и технологический. По Лапину, главным критерием современной российской модернизации является ее человеческое измерение, а ее функциями – безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, повышение качества жизни населения до средневропейского [8, с. 10–11]. Новизна такого подхода состоит в интерпретации разброса и культурной разнородности ценностей россиян как «толерантного симбиоза», сформированного жизненным миром российского общества в ответ на аксиологический вызов глобализации.

Как полагает Лапин, те же тренды, что проявляются в Китае, имеют место и в России, а именно: на втором этапе модернизации, переходе страны от индустриального к информационному обществу, усиливается неравномерность этого процесса, так что одни регионы страны вступают на этот этап раньше других. Возникает необходимость координации и интеграции усилий всей страны по достижению более высокой конкурентоспособности и повышению уровня жизни населения [9, с. 4]. Отсюда вытекает задача социальных наук – выявить наборы ценностей, определяющие каждую ступень, разработать критерии их замера в эмпирическом исследовании, а затем, проводя исследования в мониторинговом режиме, отслеживать ход модернизации по регионам, сокращая разрывы в развитии этих регионов. Решение этой задачи означает практическое плодотворное продолжение диалога культур.

Литература и источники

1. Лапин, Н.И. Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России // Социс. - 2015. - № 1. – С. 5–10.
2. Arnason, J. The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model. - London, 1993.

3. Eisenstadt, S. Multiple Modernities // Daedalus. - 2000. - V.129. - № 1. – P.1–29.
4. Валлерстайн, И. Модернизация: мир праху ее // Социология: теория, методы, маркетинг. - 2008. - № 2.
5. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. - М., 2011.
6. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity. – London, 1992.
7. Яницкий, О.Н. Социальный коридор российской модернизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_2.html.
8. Лапин, Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социс. - 2014. - № 7. - С. 8–19.
9. Лапин, Н.И. Изменение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социс. - 2012. - № 9. – С. 4–24.

БЕЛОРУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ ДИАЛОГ: РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Урбан М. М., Кирилюк И. П. (Минск, Беларусь)

В опровержение западноевропейской неолиберальной теории постидентичности наблюдается активизация процессов этнической самоидентификации и инкультурации. Это свидетельствует о возрастании потребностей этносов в освоении своей национальной культуры и традиции, что подтверждается социальной реальностью Беларуси. Актуальность профилактики ксенофобии и антисемитизма обусловлена тем, что в некоторых странах поднимают головы неофашистские организации, предпринимаются попытки обелить нацизм и отрицать Холокост, пересмотреть решения Нюрнбергского трибунала.

Еврейский этнос является коренным для Беларуси. Его появление на территории современного белорусского государства датируется концом X – началом XI в. На протяжении многовекового обитания еврейского этноса на белорусских землях не было сознательно организованного в той или иной форме взаимодействия и диалога между еврейской культурной традицией и белорусской культурой. Это было сосуществование двух культур, при этом далеко не всегда миролюбивое, особенно в религиозной сфере, а возможности евреев удовлетворять свои духовные и культурные потребности во многом зависели от политики властей.

В ходе Второй мировой войны евреи Европы, включая Беларусь, пережили невиданную по своим масштабам катастрофу. Был уничтожен культурный и демографический центр еврейской цивилизации, существовавший в Европе более тысячи лет. В результате геноцида фашистов по отношению к еврейскому народу на территории Беларуси было истреблено более 800 тыс. евреев.

Геноцид евреев, имеющий целью их тотальное уничтожение, обозначен особым названием – Holocaust «всесожжение» – заимствовано из греческого